

Р. П. КОНДАКЧЯН

МЕСТО РЕЛИГИИ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ ПОСЛЕВОЕННОЙ ТУРЦИИ

Османская Турция была теократическим государством, верховный властелин которого являлся одновременно и светским и религиозным главой—султаном и халифом. На протяжении многих веков мусульманская религия являлась господствующей идеологией правящих классов, а духовенство—опорой и пособником султанского режима. Господствующее положение религии и духовенства в общественно-политическом строе Османской Турции продолжалось вплоть до поражения последней в первой мировой войне.

О том, какие сильные позиции занимали религия и духовенство в общественно-политической жизни страны, свидетельствует тот факт, что в начальном периоде национально-освободительной борьбы турецкого народа против иностранных захватчиков кемалисты решили использовать их влияние для организации этой борьбы, выдвинув лозунг: «Спасти султана-халифа, взятого в плен гяурами».

Однако после победы турецкого народа над иностранными захватчиками задачи и цели кемалистов пришли в противоречие также с духовенством. Последнее оказалось в лагере политических противников кемалистов. И для того, чтобы ослабить позиции также религии и духовенства, кемалисты решили ликвидировать султанат. Турция была провозглашена республикой, а затем был ликвидирован и халифат.

Несмотря на вышеуказанные мероприятия кемалистов, позиции религии и духовенства и их значение в общественной жизни Турции не были значительно ослаблены. Духовенство продолжало свое яростное сопротивление республиканскому режиму. Поэтому кемалисты, ради упрочения республиканского строя, были вынуждены провести в жизнь ряд дополнительных мероприятий также для ослабления позиций религии и духовенства—далеко не единственных своих политических противников.

Так, например, школы и суды были преобразованы и переданы гражданскому ведомству, были запрещены ношение религиозной одежды и различные мусульманские дервишские ордена-секты, конфискованы вакуфы, ликвидирован религиозный налог—ашар.

9 апреля 1928 г. был изменен пункт конституции, согласно новой редакции которого ислам больше не считался государственной религией¹, т. е. религия была отделена от государства. Однако этот акт не означал, что кемалисты были намерены окончательно искоренить религию из общественной жизни страны. Просто отрицалось ее влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны и она была поставлена в подконтрольное положение. Эти мероприятия составили главную часть политики лаицизма, т. е. преобразования турецкого общества в светское.

Постепенно власти закрыли все религиозные школы. Так, например, если в 1924 г. в Турции имелось 29 школ имамов и проповедников, то в 1940 г. их осталось всего две. Впоследствии и эти школы были закрыты². Что касается школы богословия, в которой в 1924 г. обучалось 284 студента, а в 1933 г.—20 студентов, то в 1941 г. она также была закрыта. Далее. Было запрещено преподавание религии в школах и закрыт богословский факультет Стамбульского университета. В результате кемалисты достигли своей цели—значительно ослабили влияние религии и духовенства на общественную жизнь.

¹ „Revue française de science politique“, 1955, octobre-décembre, p. 763.

² К. Н. Каграт, „Turkey's politics“, Princeton, 1959, p. 56.

Накануне второй мировой войны власть турецкой буржуазии стабилизировалась, были подорваны позиции ее политических противников. Турецкая буржуазия исчерпала свои и без того ограниченные прогрессивные способности, и поэтому дальнейшее осуществление буржуазных реформ приостановилось. Во внутренней и внешней политике Турции взяли верх реакционные тенденции.

Воспользовавшись таким стечением благоприятных обстоятельств, духовенство активизировало свою деятельность, в особенности, в сельских местностях. В период второй мировой войны начал издаваться журнал «Бююк Догу», требовавший возврата к религии. Молитвы в мечетях начали читать на арабском языке. Были слышны требования о введении в школах преподавания религии и арабского языка. Религия вновь претендовала на важный фактор общественной жизни.

После окончания второй мировой войны в Турции развернулась широкая дискуссия о дальнейшей политике в области религии. Правящая НРП, позиции которой сильно ослабли вследствие кризиса внутренней и внешней политики и кризиса в правящих верхах, начала делать духовенству уступки одна за другой, чтобы использовать ее против роста классового самосознания трудящихся масс, т. е. использовать ее как средство политической борьбы против своих классовых врагов. Этими уступками НРП намеревалась также перетянуть религию на свою сторону и через нее и религиозно настроенные массы. К этому стремились также оппозиционные буржуазные партии—Демократическая и Национальная, выступившие за неограниченную свободу религиозного вероисповедания.

Как НРП, так и оппозиционные буржуазные партии начали между собой борьбу за позиции религии и духовенства, т. е. поставили перед собой задачу использовать их как средство межпартийной борьбы.

19 февраля 1948 г. парламентская фракция НРП решила ввести формально факультативное, в действительности обязательное преподавание религии в двух последних классах начальных школ. В решении фракции подчеркивалось, что обучение религии должно вестись на турецком языке и поставлено под прямой контроль государства. Тогда же было решено открыть богословский факультет при Анкарском университете. Вышеуказанное мероприятие правительства НРП вступило в силу с 1 января 1949 г. Было открыто несколько школ по подготовке преподавателей религии (Анкара, Стамбул, Трабзон и другие города), а также ряд мечетей якобы для ознакомления публики с их архитектурой. Таковы были мероприятия правительства НРП в угоду духовенства.

Однако ни уступки религии, ни ряд мероприятий другого характера не спасли НРП от поражения на парламентских выборах 1950 г. и к власти пришла ДП, одним из основных лозунгов которой в период оппозиционной деятельности и предвыборной борьбы была ничем не ограниченная свобода религиозного вероисповедания, обучение религии и чтение корана на арабском языке, объявление пятницы днем отдыха.

В программной речи премьер-министра А. Мендереса было демагогически обещано, что религия не должна быть использована как орудие политической борьбы и средство пропаганды против другой религии или свободного мышления.

На практике правительство ДП с еще большим усердием продолжало политику уступок религии и духовенству, что мотивировалось фальшивым лозунгом о свободе мысли и вероисповедания³.

16 июня 1950 г., т. е. через месяц после прихода к власти ДП, меджлис принял постановление о чтении молитв на арабском языке⁴. Как писала «Монд», «первым законом, принятым правительством Мендереса, было разрешение молиться по-арабски»⁵. Принятие этого закона явилось нарушением конституции.

7 июля того же года правительство разрешило передачу стихов корана по государ-

³ „Monde“, 1958, 31 décembre.

⁴ „Revue française de science politique“, 1955, octobre-décembre, p. 767.

⁵ „Monde“, 1960, 3 juin.

ственному радио⁶. Передачи эти велись три раза в неделю. Стало обязательным преподавание религии в начальных и средних школах, восстановились школы по подготовке имамов и проповедников, открылся факультет богословия при Анкарском университете. «Зафер», официоз правящей партии, частично перешла к мусульманскому летоисчислению.

Повсюду в стране началось строительство новых мечетей и ремонт старых на средства государства. По данным «Монд», в период 1950—1960 гг. в стране было построено 5 000 мечетей, в то время когда 16 тыс. деревень не имели школ⁷. Строительство мечетей в четыре раза превосходило строительство школ. Была построена огромная мечеть в Анкаре, прямо напротив мавзолея Ататюрка, которая как бы символизировала отход от политики лаицизма, провозглашенного последним⁸. В сельских местностях началось преподавание арабской письменности. Духовенство начало издавать коран на арабском языке огромными тиражами, который сначала нелегально, а затем публично продавался у входа мечетей. Женщины стали носить чадру не только в провинциях, но даже в городах, включая Анкару, Измир и Стамбул. Участились случаи многоженства. Власти открыли 12 новых религиозных школ⁹. К началу 1959 г. в Турции уже насчитывалось 19 таких школ с 4 233 учащимися¹⁰. Несмотря на разрешение религиозного обучения в школах, духовенство очень часто умудрялось тайком преподавать религию и в мечетях¹¹. Более того, 19 ноября 1959 г. в Стамбуле открылась высшая школа ислама, на торжественном открытии которой присутствовали депутаты меджлиса от правящей партии, губернатор Стамбула и другие официальные лица во главе с министром просвещения Т. Илери. На открытии школы присутствовали также многочисленные представители духовенства. Илери в своем выступлении по случаю открытия этой школы восхвалял политику правительства в области религии, а также роль мусульманской религии в духовном развитии турецкого народа. Присутствующие встретили возгласами одобрения выступление министра просвещения¹². Школа эта имеет двухгодичный срок обучения. Она рассчитана на 80 студентов, которые после окончания школы должны работать преподавателями школ по подготовке имамов и проповедников.

Правительство ДП усиленно насаждало религию также в армии.

В период правления ДП расширили свою деятельность различные религиозные секты—бекташи (Стамбул), мевлеви (Конья), накшибенди (восточные вилайеты), нурджи, тиджани, бекаи, акифи и другие. Секты имели свои отделения не только в деревнях, но и в крупных городах. По данным турецкой печати, общее число сектантов в 1960 г. составило 8 млн. человек¹³. Так, например, только секта курджи объединяла около 600 тыс. человек¹⁴.

Политика уступок духовенству как нельзя лучше соответствовала устремлениям и целям всей турецкой реакции, видящей в возрождении мусульманского фанатизма средство отвлечения трудящихся масс от их борьбы за социальное освобождение. «Реакционная буржуазия везде заботилась... о том, чтобы разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических вопросов...»¹⁵. Эти слова В. И. Ленина метко характеризуют сущность политики уступок духовенству и разжигания религиозного фанатизма, проводимой правительством Мендереса.

⁶ G. Lenczowski, „The Middle East in World Affairs“, N. Y., 1952, p. 151.

⁷ „Monde“, 1960, 4 аout.

⁸ Там же, 3 juin.

⁹ Там же, 4 аout.

¹⁰ „Vatan“, 1959, 20 kasım.

¹¹ „Yeni İstanbul“, 1952, 22 aralık.

¹² „Vatan“, 1959, 20 kasım.

¹³ „Forum“, 1960, 1 temmuz, s. 6.

¹⁴ „Monde“, 1960, 13 janvier.

¹⁵ В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 12, стр. 146.

Турецкая реакция приветствовала политику правительства в области религии, потому что в ней усматривала одно из средств борьбы против распространения коммунистических идей.

О том, что правительство Мендереса использовало религию в борьбе против распространения идей коммунизма, мы находим подтверждения также у Ф. Люилли¹⁶ и М. Коломба¹⁷.

Политика ДП в области религии находила свою поддержку у правящих кругов США. Как об этом метко писал «Франс обсерватер», «Фостер Даллес и его окружение, одолеваемые идеями двух миров: одного атеистического и другого верующего, поддерживали Мендереса и Баяра в их религиозной политике, лишь бы они гарантировали им ракетные базы на подступах к Кавказу»¹⁸.

Использование религии правящей партией против коммунистических идей уже являлось подтверждением того, что она пользовалась ею как средством политической борьбы. Но правящая партия использовала религию также против оппозиционных партий, т. е. как средство межпартийной борьбы.

Несмотря на то, что правительство на словах всегда выступало против этого, на практике оно делало обратное. Так, например, как писала «Обсервер», Мендересу отчасти удалось расширить влияние правящей партии в деревнях тем, что он «открыл мечети, закрытые Ататюрком»¹⁹. Далес, имамы убеждали крестьян в рабской покорности, ибо, как говорили они, бунт против правительства—это бунт против аллаха²⁰.

Правящая партия использовала духовенство для натравливания населения против оппозиционных партий и их видных деятелей. Были случаи, когда муллы в своих молитвах говорили, что «Ататюрк был английским шпионом, а Илленю—русским шпионом»²¹. Более того, начиная с 1953 г., власти через духовенство распространяли слухи о том, что тот, кто сотрудничает с оппозиционными партиями, в особенности НРП, является гяуром и что истинный мусульманин обязан следовать за ДП. После известной лондонской авиационной катастрофы 17 февраля 1959 г., когда Мендерес остался жив, власти через духовенство подняли большой шум о том, что аллах сохранил ему жизнь за то, что он перед вылетом совершил жертвоприношение в мечети Еюба²². Его провозгласили «избранником аллаха». По пути в Стамбул и Анкару делались жертвоприношения. Дело дошло до того, что некоторые родители ради здоровья Мендереса хотели принести в жертву своих детей²³. Имели место и другие проявления религиозного фанатизма. Всюду по стране были прочитаны молитвы за скорейшее его выздоровление. Власти решили использовать этот случай для искусственного раздувания ореола «славы» Мендереса, чтобы перетянуть на свою сторону новых людей, поверивших в «непогрешимость» его личности.

Правящая ДП установила тесные связи с сектой нурджи, одной из наиболее многочисленных сект. Она имела намерение использовать влияние этой секты на очередных выборах в меджлис. Глава секты шейх С. Нурси обратился к правящей партии со следующим письмом «Демократам (т. е. Демократической партии.—Р. К.) нужна сила. Я очень силен. Я обеспечу ДП и верному слуге ислама А. Мендересу поддержку на выборах». Он имел также встречи с депутатами правящей партии, во время которых обсуждались вопросы привлечения сектантов в предвыборную кампанию ДП²⁴.

¹⁶ F. L'Huillier, «Le Moyen-Orient contemporain 1946–1958», Paris, 1959, p. 172.

¹⁷ «Revue française de science politique», Ibid, p. 764, 768.

¹⁸ См. «Международная жизнь», 1960, № 7, стр. 62.

¹⁹ «Observer», 1960, 29 may.

²⁰ «Forum», 1960, 1 temmuz, s. 7.

²¹ «Milliyet», 1956, 2 nisan.

²² P. Rondot, «L'Islam et les musulmans d'aujourd'hui», t. II, Paris, 1960, p. 177.

²³ «Akşam», 1961, 12 temmuz.

²⁴ «Cumhuriyet», 1960, 1 ocak.

О том, что правящая партия использовала религию в качестве средства борьбы за власть, неоднократно подчеркивалось и западной печатью²⁵.

Следует особо подчеркнуть, что турецкие власти, используя религию в политических целях, совершали преступления, наказуемые уголовным кодексом. Согласно последнему, такое преступление наказывалось тюремным заключением сроком от одного до пяти лет. Но уголовный кодекс власти применяли только против оппозиционных партий, в частности против НП, чтобы монополизировать влияние духовенства.

Политика уступок религии привела к возрождению фанатизма, усилению ее позиций в общественной жизни. Духовенство при содействии членов ДП начало выступать против перевода корана на турецкий язык, употребления латинского алфавита и призыва к молитве на турецком языке²⁶. Оно потребовало также возврата к конституции 1924 года, согласно которой ислам был объявлен государственной религией Турции²⁷. Дело дошло до того, что в печати и парламенте все громче раздавались голоса в пользу восстановления халифата и провозглашения ислама государственной религией, тон которым задавали члены ДП. Так, например, в 1951 г. на вилайетской конференции ДП в Конье, в одном из центров сектантского движения и религиозного фанатизма, было принято решение о восстановлении шариатских судов, ношении феса и чадры, введении многоженства, употреблении арабского алфавита и о низложении всех памятников²⁸. А один из депутатов меджлиса от ДП в феврале 1955 г. потребовал разрешить обучение турок в университете Аль-Азхар (Египет)²⁹.

В марте 1959 г. опять началось издание журнала «Бююк Догу», редактор—известный махровый реакционер Н. Ф. Кысакюрек. Журнал выступал в пользу восстановления религии в качестве государственной. Духовенство продолжало активизировать свою деятельность и требовало обеспечения исламу подобающего ему места в общественной жизни страны.

Возрождение религиозного фанатизма, как и следовало ожидать, вскоре вышло за желаемые рамки. Так, например, сектанты начали разрушать бюсты и статуи Ататюрка, мотивируя это тем, что ислам запрещает воздвигать людям—живым или мертвым, памятники. Особенно отличались члены секты тиджани, которую возглавлял шейх К. Пилавоглу. В течение 1951 г. бюсты и статуи Ататюрка были разрушены в Кыршехире, Мардине, Конье, Эрзинджане, Анкаре, Кастамону и Эскишехире. Сектанты оскверняли портреты Ататюрка, публично ругали его. Они начали проводить религиозные обряды, запрещенные законом, организовывали шествия с религиозными знаменами, нападали на светские школы и громили их, открывали тайные религиозные школы и пр. Глава секты курджи С. Нурси обратился со специальным письмом к руководителям правящей партии, в котором предлагал свои услуги для наведения порядка в стране.

II после этого правительство выступило с клеветническим заявлением о том, что активизация деятельности религиозных сект—это дело рук коммунистов, и что руководство сектантским движением находится в одной из социалистических стран.

Действия сектантов приняли такие широкие масштабы, что правительство было вынуждено ради формы принять некоторые меры против них. 25 июля 1951 г. меджлис в самом спешном порядке, под давлением оппозиции, принял закон о покровительстве памяти Ататюрка. Согласно статье первой этого закона, лица, оскорбившие память Ататюрка, впредь должны были быть приговорены к тюремному заключению сроком от одного года до трех лет, а лица, разрушившие его бюсты и памятники—от одного до пяти лет³⁰.

²⁵ „Revue française de science politique“ *ibid.*, p. 767; „Times“, 1960, 23 february; „Combat“, 1960, 8 avril; „Observer“, 1960, 29 may.

²⁶ „Forum“, 1960, 1 temmuz, s. 7.

²⁷ F. L'Huillier, *ibid.*, p. 176.

²⁸ K. H. Karpat, *ibid.*, p. 287.

²⁹ P. Rondot, *ibid.*, t. I, 1958, p. 289.

³⁰ „CHP' min El Kliabi“, Istanbul, 1958, s. 144.

После принятия этого закона власти начали преследовать наиболее зарвавшихся сектантов. Были арестованы ряд шейхов сект и их члены. 10 апреля 1953 г. власти организовали судебный процесс в Эскишехире над шейхом секты накшибенди А. Бингелли и 31 сектантом. Был выслан из страны шейх одной из сект С. Баба (декабрь 1953 г.), арестованы 17 шейхов секты накшибенди в Мардине (февраль 1954 г.), шейхи секты бехан. Однако арестованные сектанты вскоре освобождались из под стражи.

Некоторые меры по линии обуздания наиболее ярых сектантов, предпринятые властями, были направлены исключительно на успокоение общественного мнения. Принятием закона о покровительстве памяти Ататюрка ДП стремилась, воспользовавшись случаем, доказать свою верность Ататюрку и на этом заработать политический капитал. Отсюда можно сделать также вывод, что если сектанты не осмелились осквернить память Ататюрка, правительство Мендереса не сочло бы своим долгом их преследовать. Таким образом, личность Ататюрка была использована как объект политической спекуляции.

В основном, до конца своей власти, правящая ДП проводила политику возрождения религиозного фанатизма, использования религии в качестве средства политической и межпартийной борьбы. Политика правящей ДП в области религии противоречила также завету Ататюрка о том, что Турция никогда не должна быть страной шейхов, дервишей и мюридов.

Разжигание религиозного фанатизма нанесло огромный вред светскому характеру турецкого общества. Оно толкало трудящиеся массы обратно в объятия невежества и отсталости и одновременно способствовало усилению национализма и шовинизма, так как ислам известен своей нетерпимостью ко всем иноверцам, в особенности к христианам. Усилилось влияние религии и духовенства также в турецкой армии.

Правительство ДП, это особо следует подчеркнуть, всячески восхваляло перед странами, где господствующей религией является ислам, свои «достижения» в области насаждения религии во всех сферах общественной жизни, чтобы закрепить за Турцией приоритет первого мусульманского государства и центра мусульманской религии, т. е., как это было во времена Османской Турции.

* *
*

После свержения власти ДП и установления в стране военной диктатуры (май 1960 г.), Комитет национального единства (КНЕ) провел ряд мероприятий, ограничивающих деятельность духовенства и сектантов. Так, например, в июле 1960 г. КНЕ опубликовал постановление, запрещающее всем партиям использовать религию в политических целях (т. е. в межпартийной борьбе.—Р. К.). Этим же постановлением духовенству запрещалось проводить реакционную пропаганду. Причем, официально было повторено, что руководители сектантов получали свои инструкции из одного научного института, находящегося на территории соседнего социалистического государства.

На процессе Ясыада была осуждена политика возрождения религиозного фанатизма и использования религии как средства межпартийной борьбы, проводимой бывшей правящей ДП. Как и следовало ожидать, на какой-то короткий срок духовенство вынуждено было приостановить свою легальную деятельность.

Однако после прихода к власти гражданских правительств начался новый период зангравания буржуазных партий с религией, и в 1963—1964 учебном году было возобновлено преподавание религии в школах.

Стало вновь обычаем при закладке строительства новых предприятий и учреждений совершать жертвоприношения при участии официальных лиц. Главы государства и правительства выступают с официальными воззваниями к народу по случаю религиозных праздников³¹. Партия справедливости Турции³², являющаяся прямой наследницей ДП

³¹ Примечание. Нынешний президент Турции Девдет Сунай—выходец из семьи духовнослужителя.

³² Партия справедливости пришла к власти в октябре 1965 г.

и выражающая интересы крупной буржуазии, продолжает заигрывать с религиозно настроенными массами, что является грубым нарушением конституции. Опять выдвигается лозунг о ведущей роли Турции в мусульманском мире³³. Это—замаскированная форма призыва к восстановлению халифата. Некоторые реакционные круги Турции выступают с проповедью панисламизма, с целью объединения под верховенством Турции всех народов, исповедующих ислам. Пропаганда панисламизма, в свою очередь, оказывает отрицательное воздействие на внутривнутриполитическую жизнь.

В настоящее время все буржуазные партии Турции в той или иной мере продолжают политику уступок духовенству, чтобы через него перетянуть на свою сторону религиозно настроенные массы. В результате, позиции духовенства всё укрепляются. Поэтому, если в будущем в Турции возникнет политическая партия с ярко выраженной религиозной программой, это не явится случайностью.

Еще накануне второй мировой войны турецкая буржуазия исчерпала свои и без того ограниченные прогрессивные способности. Ее политика в отношении религии в период и после второй мировой войны подтверждает вывод о том, что она превратилась в реакционный класс, препятствуя прогрессивному развитию страны.

³³ „Yeni İstanbul“, 1966, 27 haziran.